

РИВЕРТОН

Кейл Харди. Книга 2

THE GILDED LILY

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

OFFICIAL CORRESPONDENCE
INVESTIGATION
INVESTIGATION
DEPARTMENT

Александр Шаевич Ривенгтон

<https://litres.ru/74032828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кейл Харди — бывший детектив полиции Детройта, теперь криминальный репортёр в маленьком городке Ривертон, Огайо. Когда к нему приходит женщина с простой просьбой — помогите сохранить ресторан мужа — он не знает ещё, что за этим стоит Чикаго.

Схема простая и узнаваемая: налоговая проверка, пожарная инспекция, банк который вдруг требует вернуть кредит. Всё законно. Всё чисто. И именно это страшнее всего.

Харди знает эту схему. Видел её раньше — в Детройте, где она стоила жизни его напарнику.

Второй роман серии о Кейле Харди.

Содержание

Глава 1. Посетительница	4
Глава 2. Фрэнк	11
Глава 3. Моррано	17
Глава 4. Харт	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Шаевич Ривенгтон

Глава 1. Посетительница

Утро в четверг началось с письма из банка.

Не моего — я нашёл его в почтовом ящике вместе со своей корреспонденцией: кто-то из соседей снова перепутал номер квартиры. Я машинально посмотрел на адрес — Честнат-стрит, 14. Ресторан «Делано». Вернул в ящик и поднялся к себе.

За кофе открыл «Ривертон Курьер» — нашу собственную газету, что всегда немного странно. На третьей полосе была короткая заметка: «Риверсайд Девелопмент» объявила о начале нового жилого проекта на месте бывшего склада на Индастриал-авеню. Цитата от Роя Чэмберса — «мы инвестируем в будущее Ривертонна». Фотография: Чэмберс жмёт руку мэру, оба улыбаются.

Я отложил газету, допил кофе и поехал в редакцию.

Эд уже сидел за столом с видом человека, которого разбудили слишком рано и которому это не понравилось — хотя было уже половина десятого.

— Паркинг, — сказал он вместо приветствия и кинул мне папку. — Городской совет снова поднимает тарифы. Хочу

материал к пятнице.

— Захватывающе.

— Харди, это называется местная журналистика. Привыкай.

Я сел за стол, открыл папку и уставился в протоколы заседания городского совета. Паркинг. Двадцать лет я расследовал убийства, коррупцию, организованную преступность — и теперь паркинг.

Я написал три абзаца и остановился.

Она появилась около десяти. Я заметил её раньше чем она открыла дверь — увидел через стеклянную витрину как она стоит на тротуаре и смотрит на вывеску редакции. Стоит и не заходит. Так бывает с людьми, которые долго решались прийти и теперь в последний момент сомневаются.

Потом она всё-таки открыла дверь.

Лет сорока, тёмные волосы убраны назад, пальто застёгнуто до верха несмотря на то что в редакции было тепло. Руки держала перед собой — пальцы переплетены, костяшки чуть белее чем нужно.

Эд поднял голову, оценил её за секунду и снова опустил взгляд — верный признак того, что история его не заинтересовала. Эд умел отсеивать людей с порога. Двадцать лет в провинциальной журналистике развивают это чувство.

Но она не ушла.

Стояла у стойки и смотрела по сторонам — не растерянно, а так как смотрят люди которые пришли с конкретной целью

и ищут конкретного человека.

Я отложил протоколы городского совета и подошёл.

— Харди? — спросила она.

— Он самый.

— Карен Делано. — Она не протянула руку — просто назвала имя, как называют пароль. — Мне сказали что вы тот человек к которому нужно идти. Если больше некуда.

Я посмотрел на Эда. Он старательно смотрел в экран.

— Пойдёмте, — сказал я. — Здесь есть комната.

«Комната» была громко сказано — крохотный закуток с двумя стульями и столом который использовался для всего: совещаний, телефонных разговоров, хранения старых архивов. Я закрыл дверь. Карен Делано села не снимая пальто и положила руки на стол — те же переплетённые пальцы.

— Расскажите, — сказал я.

Она рассказывала ровно, без лишних слов — чувствовалось что репетировала по дороге. Пятнадцать лет назад её муж Фрэнк открыл ресторан на Честнат-стрит. Итальянская кухня, семейное место, в обед очередь. Отец Фрэнка начал с маленькой пиццерии ещё в восьмидесятых — Фрэнк вырос за той стойкой, и когда отец умер — открыл своё. Как продолжение. Как память.

Три месяца назад пришла первая проверка.

— Налоговая, — сказала она. — Сказали нарушения в отчётности за прошлый год. Фрэнк нанял бухгалтера — тот посмотрел и сказал что всё чисто. Мы написали ответ, предо-

ставили документы.

— И?

— Через три недели пришла пожарная инспекция. — В её голосе не было жалобы — только усталая точность человека который несколько раз пересказывал это себе самому. — Нашли нарушения в вентиляции. Мы всё исправили. Это стоило восемь тысяч долларов.

Я записал.

— Потом банк потребовал досрочно закрыть кредитную линию. Сослались на какой-то пункт в договоре. Адвокат сказал — они в своём праве. — Она помолчала. — Письмо пришло в пятницу вечером. Фрэнк читал его за стойкой после закрытия. Я видела его лицо.

— Какое лицо?

— Такое, — она чуть помолчала подбирая слово, — когда человек понимает что происходит. Но ещё не хочет в это верить.

— Когда появился покупатель?

Она чуть подняла голову — не ожидала что я угадаю.

— После банка. Через неделю. Пришёл мужчина, очень вежливый, костюм, визитка. Сказал что представляет компанию «Риверсайд Девелопмент». Они хотят купить здание и бизнес. Предложили цену.

— Хорошую цену?

— Ниже рыночной на тридцать процентов. Но он объяснил — с учётом наших текущих трудностей это справедли-

во. — В том как она произнесла «текущих трудностей» было что-то — не злость, но близко к ней.

— Фрэнк отказал?

— Фрэнк сказал ему идти к чёрту. — Она произнесла это без улыбки. — Культурнее, но по смыслу так. На следующей неделе позвонил наш поставщик овощей. Пит Моррано, мы работаем с ним двадцать лет. Сказал что вынужден разорвать контракт. Без объяснений. Пит даже не смотрел в глаза — Фрэнк говорил с ним лично.

— А потом?

— Потом снова налоговая. На этот раз с претензиями на восемьдесят тысяч долларов. — Она наконец расцепила пальцы и положила руки на колени. — Адвокат говорит — соглашайся на сделку. Продавай. Говорит что если дойдёт до суда будет хуже.

— Вы ему доверяете?

— Я не знаю кому доверять, — сказала она просто. — Поэтому пришла к вам.

Я закрыл блокнот.

— Карен. Я должен сказать вам честно. Я не адвокат и не полиция. Я репортёр. Если я начну копать — это станет публичным. Это может помочь, а может осложнить ситуацию. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказала она. — Фрэнк не знает что я здесь. Он бы запретил. Он думает что лучше продать и начать где-то ещё. — Пауза. — Но этот ресторан он открыл ра-

ди отца. Там выросли наши дети. Я туда иду когда мне плохо и мне становится лучше просто от того что я там сижу и пью кофе. — Она произнесла это ровно, без надрыва. — Я не могу просто...

Она не договорила. Решила что слов достаточно.

Я посмотрел на неё. Женщина которая пришла не потому что верила в журналистику или в справедливость. Пришла потому что больше некуда. Это другое. Это честнее.

— Хорошо, — сказал я. — Дайте мне несколько дней.

Она встала, застегнула верхнюю пуговицу пальто которая и так была застёгнута. Потом остановилась.

— Вы знаете что самое страшное? — сказала она. — Не проверки и не деньги. Самое страшное — что всё законно. Каждая бумага, каждый инспектор, каждое письмо из банка. Всё по правилам. — Пауза. — И с этим ничего нельзя сделать.

Я проводил её до выхода. Эд поднял голову когда дверь закрылась.

— И? — спросил он.

— Возможно ничего, — сказал я. — Возможно — нет.

Он посмотрел на меня с тем выражением которое я уже хорошо выучил за три года. Смесь профессионального интереса и профессионального беспокойства.

— Харди.

— Что.

— Не влезай в то из чего потом не вылезешь.

— Всегда, — сказал я и пошёл к своему столу.

Зуд в затылке никуда не делся. Наоборот — усилился.

Я открыл ноутбук и набрал в поисковике: «Риверсайд Девелопмент Ривертон». Потом открыл второй tab и написал: «Рой Чэмберс».

И вспомнил про письмо из банка в почтовом ящике первого этажа. То которое я вернул на место утром.

Адресовано ресторану «Делано».

Глава 2. Фрэнк

Я вернул письмо лично.

Мог бы просто опустить обратно в ящик, но не стал. Сказал себе что это удобный повод зайти — и это была правда, только не вся. Другая часть правды была в том что я хотел посмотреть на ресторан в обед, живым, до того как поговорю с хозяином.

Честнат-стрит, 14. Тёмно-красный навес с именем без лишних украшений, два окна с белыми занавесками, меловая доска у входа с дневным меню. Всё говорило: здесь кормят, а не производят впечатление.

Я зашёл в половине первого — в самый обед.

Внутри было занято примерно на две трети. Небольшой зал, столиков двадцать, деревянные панели на стенах, фотографии в рамках — старые, чёрно-белые, семейные лица, итальянские пейзажи, одна фотография бейсбольной команды года так семьдесят пятого. Пахло чесноком и свежим хлебом. За угловым столом сидела компания строителей в рабочих куртках, у окна — две женщины с детскими колясками, в центре — пожилая пара которая явно приходила сюда каждую неделю, судя по тому как официантка поставила перед ними кофе не спрашивая.

Обычный обед в обычном ресторане маленького города.

Я сел у стены и стал наблюдать.

Фрэнк появился из кухни через несколько минут — не ко мне, просто вышел в зал. Оглядел столики, остановился у пожилой пары, сказал что-то — женщина засмеялась. Проверил что-то у барной стойки, перекинулся парой слов с официанткой. Двигался как человек в своём пространстве — уверенно, без лишних жестов. Потом увидел меня.

Шёл к столику уже с другим лицом.

— Харди, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Фрэнк Делано. — Я положил конверт на стол. — Ваше письмо. Попало в мой ящик по ошибке.

Он взял конверт не глядя на него. Посмотрел на меня.

— Карен была у вас.

— Да.

— Я так и думал. — Он положил конверт в карман фартука. — Она не должна была этого делать.

— Почему?

— Потому что это только хуже сделает. — В его голосе не было злости на жену — только усталость и та особая твёрдость которая бывает у людей принявших решение которое им не нравится. — Я уже разговаривал с адвокатом. Мы скорее всего продадим.

— Вы хотите продать?

— Нет, — сказал он просто. — Но иногда хотеть недостаточно.

— Присядете? Пять минут.

Он помолчал секунду. Потом сел — на край стула как че-

ловец который решил уйти сразу как только захочет.

Официантка подошла — молодая, рыжая, с блокнотом в кармане фартука.

— Паста с морепродуктами сегодня хорошая, — сказал Фрэнк мне. — И суп.

— Пасту, — сказал я. — И кофе.

Она ушла. Фрэнк смотрел на столешницу — на деревянную поверхность которую, судя по виду, протирали тысячи раз.

— Расскажите про «Риверсайд», — сказал я.

— Карен всё рассказала.

— Хочу услышать от вас.

Он помолчал. Потом — коротко, без лишних слов. Пришёл вежливый человек, костюм, галстук, визитка. Компания развивает недвижимость в Ривертоне, им интересно это здание. Предложили цену.

— Вы знали компанию раньше?

— Видел их вывески на паре объектов. Не интересовался.

— Почему отказали?

Фрэнк посмотрел на меня. В его взгляде было что-то похожее на удивление — что я вообще спрашиваю.

— Потому что это мой ресторан, — сказал он. — Я открыл его пятнадцать лет назад. Вложил в него всё что у меня было. Отец работал всю жизнь чтобы я мог это сделать. — Пауза. — Я не продаю это за семьдесят центов на доллар какой-то компании из ниоткуда.

— После того как вы отказали — начались проверки.

— Совпадение, — сказал он. Голос был ровным но в нём было что-то — не уверенность, а её имитация.

— Фрэнк.

— Я ничего не могу доказать. — Он произнёс это резко.

— Понимаете? Ничего. Налоговая нашла нарушения — может они там и были, бухгалтеры ошибаются. Пожарная нашла проблемы с вентиляцией — мы исправили. Банк потребовал закрыть кредит — у них есть такое право по договору. Всё законно. Всё чисто. — Он чуть наклонился вперёд. — И именно поэтому я не хочу чтобы вы это публиковали. Потому что выйдет материал — и я буду выглядеть как параноик, а они будут выглядеть как добросовестная компания которую оклеветали.

Принесли пасту. Я попробовал — она действительно была хорошей.

Фрэнк смотрел как я ем. В этом не было ничего неловкого — просто человек у которого в крови следить за тем как едят в его ресторане.

— То письмо, — сказал я. — Которое я вам вернул. Из банка?

Он кивнул.

— Что в нём?

— Окончательное уведомление. — Голос стал тише. — Через тридцать дней они закрывают кредитную линию. Если мы не погасим — передают дело коллекторам.

— Сколько?

— Шестьдесят две тысячи.

Я отложил вилку.

— Фрэнк. Пит Моррано.

Он чуть изменился в лице.

— Что — Пит?

— Двадцать лет вы работали вместе. Он разорвал контракт без объяснений. Вы с ним разговаривали?

— Разговаривал.

— И?

— И он не смотрел мне в глаза, — сказал Фрэнк тихо.

— Пит Моррано, с которым мы выпили тысячу кружек пива и у которого я крестил младшего сына — не смотрел мне в глаза. — Он помолчал. — Я понял всё что нужно.

— На Пита тоже надавили. Значит это не только ваш ресторан — это схема. Один человек который отказал — это строптивный клиент. Несколько человек которых давят одновременно — это система. И если я смогу это показать — это уже не «ресторатор жалуется». Это другая история.

Фрэнк смотрел на меня долго. За его спиной зал жил своим — звон посуды, негромкие разговоры, смех кого-то у строительного столика. Пожилая пара у окна попросила ещё кофе.

— Вы из Детройта, — сказал он наконец.

— Да.

— Работали в полиции.

— Двадцать лет.

— Почему ушли?

Я поставил кружку на стол.

— Потому что увидел схему, — сказал я. — Похожую на эту. И не смог с этим ничего сделать внутри системы.

Он смотрел на меня ещё секунду.

Потом встал, взял полотенце с колена.

— Пит живёт на Элм-стрит, двенадцать, — сказал он тихо, не глядя на зал. — Но он не будет говорить.

— Посмотрим, — сказал я.

Он кивнул и ушёл на кухню.

Я доел пасту. Оставил деньги на столе — чуть больше чем нужно — и встал.

У выхода остановился. На меловой доске с меню чья-то рука написала внизу мелкими буквами: «Добро пожаловать. Мы здесь с 2009 года».

Пятнадцать лет. Это долго — для маленького ресторана в маленьком городе.

Снаружи было холодно и пасмурно — обычный ривертонский октябрь. Я записал адрес Моррано и пошёл к машине.

На углу оглянулся. Через витрину было видно как Фрэнк снова вышел в зал — остановился у столика строителей, сказал что-то, один из них засмеялся. Обычный обед. Обычный хозяин в своём ресторане.

Я повернулся и пошёл дальше.

Глава 3. Моррано

Элм-стрит была тихой даже по меркам Ривертонa.

Небольшие дома с аккуратными газонами, клёны вдоль тротуара, ни одной машины у обочины — такие улицы бывают в городах где все уже куда надо уехали и припарковались. Дом двенадцать — одноэтажный, белый сайдинг, крыльцо с двумя ступеньками. На боковой части дома — навес для грузовика, под ним потрёпанный пикап с логотипом «Моррано Фреш Продьюс» на двери. Огурец в белом круге, под ним телефон. Логотип был сделан давно — краска выцвела и кое-где облупилась.

Я позвонил в дверь в половине третьего.

Пит Моррано открыл не сразу. Сначала — движение за занавеской на окне, потом шаги, потом пауза у двери. Человек который смотрит в глазок и думает.

Дверь открылась.

Лет шестидесяти, невысокий, плотный — из тех людей которые всю жизнь работали физически и несут это в плечах. Седая щетина, рабочие руки, клетчатая рубашка навывпуск. Смотрел на меня без выражения.

— Мистер Моррано? Кейл Харди, «Ривертон Курьер». Можно поговорить?

— О чём? — сказал он. Голос ровный. Слишком ровный для человека которого застали врасплох.

— О ресторане «Делано».

Пауза. Короткая, но я её заметил.

— Не знаю о чём вы. Я поставщик. Был поставщик. Деловые отношения закончились — это бывает.

— Двадцать лет, — сказал я. — И вдруг закончились. Без объяснений.

— У меня есть объяснения. — Он чуть выпрямился. — Просто они вас не касаются.

— Фрэнк Делано крестил вашего сына.

Что-то мелькнуло в его лице — быстро, почти незаметно. Не вина. Что-то тяжелее.

— Харди, — сказал он. — Я не знаю что вам рассказали и зачем вы пришли. Но у меня нет ничего для вашей газеты. Извините.

Он начал закрывать дверь.

— Пит.

Он остановился. Я не знал почему — просто имя, без нажима.

— Я не прошу вас говорить о себе, — сказал я. — Я прошу вас подумать вот о чём. Делано — не единственный в этом городе кому «Риверсайд» сделал предложение. И не единственный кто отказал. И не единственный у кого после этого начались проблемы. Если это схема — значит следующий уже выбран. Может кто-то кого вы знаете.

Моррано стоял в дверях и смотрел на меня. Потом посмотрел куда-то поверх моего плеча — на улицу, на пикап с

выцветшим огурцом.

— Я ничего не говорил, — сказал он наконец.

— Я слышу.

— Мне позвонили из городского отдела лицензирования.

Сказали что у меня проблемы с документами на грузовой транспорт. — Он говорил тихо, глядя на пикап. — Я работаю двадцать лет. Никаких проблем никогда не было. Они сказали — проблемы появились.

— Кто звонил?

— Человек назвался. Я записал. — Пауза. — Дэн Уокер.

Отдел лицензирования и разрешений.

Я записал имя.

— Что он хотел?

— Ничего конкретного. Просто сообщил о проблемах. —

Моррано наконец посмотрел на меня. — Но я понял. Я не вчера родился.

— И вы разорвали контракт с Делано.

— Я разорвал контракт с Делано, — повторил он. Без интонации. Просто факт который ему не нравится.

— И проблемы с лицензией исчезли?

Он не ответил. Но и не сказал нет.

— Пит, — сказал я. — Я не буду называть ваше имя. Вы мне ничего не говорили. Но если вы готовы позже дать официальный комментарий — это может иметь значение.

— Нет, — сказал он сразу. — Официально — нет. У меня бизнес. У меня семья.

— Понимаю.

Он кивнул — коротко, как будто ставя точку. Потом сказал кое-что чего я не ожидал:

— Зайдите к Билли Харту. Он держал прачечную на Ривер-роуд. Три года назад продал «Риверсайду». — Пауза. — Теперь живёт в Колумбусе. Говорят уехал сразу после продажи.

— Почему он уехал?

— Не знаю, — сказал Моррано. — Но Билли Харт жил здесь всю жизнь. Родился здесь. Здесь похоронены его родители. Люди просто так не уезжают из таких мест.

Он закрыл дверь.

Я постоял на крыльце секунду. Потом записал: «Билли Харт. Прачечная. Ривер-роуд. Колумбус».

Вечером я сел за стол с ноутбуком и блокнотом и начал складывать то что было.

«Риверсайд Девелопмент» — компания зарегистрирована в штате Огайо три года назад. Уставной капитал минимальный. Единственный директор — Рой Чэмберс, Ривертон. До «Риверсайда» Чэмберс владел небольшой строительной компанией, ничем не примечательной. Потом — несколько лет пауза в публичных записях. Потом «Риверсайд».

За три года компания приобрела в Ривертоне и окрестностях семь объектов. Прачечная Харта на Ривер-роуд. Бывший продуктовый магазин на Окак-стрит. Складское помещение на Индастриал-авеню — то самое о котором я читал

в газете утром. И ещё четыре адреса. Я записал их все.

Цены в публичных записях были — там где они были — заметно ниже рыночных.

Рой Чэмберс в местных новостях упоминался регулярно: спонсор ежегодного турнира по бейсболу среди школьников, жертвователь в фонд восстановления городской библиотеки, почётный гость на открытии нового крыла больницы. Фотографии с мэром, с шерифом, с председателем городского совета. Улыбки, рукопожатия, разрезание ленточек.

Хорошая репутация. Тщательно выстроенная.

Я нашёл Дэна Уокера — отдел лицензирования и разрешений, городская администрация Ривертон. Фотографии не было, только имя в списке сотрудников на сайте города. Должность: старший инспектор. Стаж: четырнадцать лет.

Я записал его имя рядом с именем Чэмберса и провёл между ними линию.

Потом открыл вкладку с поиском людей и набрал: «Билли Харт Колумбус Огайо».

Нашёл за две минуты. Фейсбук, почти пустой — последняя запись три года назад, фотография переезда. Подпись: «Новая глава». Комментарий от кого-то: «Билли, мы будем скучать! Почему так внезапно?» Ответа не было.

Я записал то что нашёл и закрыл ноутбук.

За окном Ривертон жил своим вечером — машины на главной улице, свет в окнах, где-то лаяла собака. Обычный городок. Ничего особенного.

Я подумал о Чэмберсе и его улыбке на фотографиях с мэром. О Уокере который звонит маленьким поставщикам и сообщает о проблемах которых не было. О Билли Харте который жил здесь всю жизнь и уехал в Колумбус не попрощавшись.

В Детройте я видел такую же картину. Другие имена, другие адреса — та же картина. Там это закончилось плохо.

Я встал, налил себе виски — немного, просто так — и постоял у окна.

Завтра нужно ехать в Колумбус.

Пишу. Харди едет в Колумбус. Харт не ждёт гостей. Но история которую он несёт в себе три года — она давит.

Глава 4. Харт

Колумбус был в двух часах езды по I-71 — прямая дорога через плоские поля которые в октябре выглядели как старая фотография: серые, пустые, с редкими силуэтами деревьев на горизонте. Я выехал в восемь утра с термосом кофе и адресом который нашёл через базу налоговых записей штата.

Билли Харт жил в северной части Колумбуса — район называется Уэстервилл, аккуратный, безликий, из тех мест которые строят для людей которые хотят жить нигде. Одинаковые таунхаусы, одинаковые газоны, одинаковые машины у одинаковых гаражей. Место где можно исчезнуть не уезжая слишком далеко.

Я припарковался у дома в половине одиннадцатого.

Позвонил в дверь. Подождал. Позвонил ещё раз.

— Кто там? — голос из-за двери. Мужской, настороженный.

— Кейл Харди. Я из Ривертонa. Хочу поговорить о прачечной на Ривер-роуд.

Долгая пауза. Потом звук засова.

Дверь открылась на цепочку — узкая щель, в которой я увидел половину лица. Лет пятидесяти пяти, худощавый, небритый. Глаза человека который давно не спит хорошо.

— Кто вас прислал? — сказал он.

— Никто. Я репортёр. Сам нашёл.

— Репортёр. — Он произнёс это без выражения. — Из Ривертонна.

— Из «Ривертон Курьер». Меня зовут Харди. Раньше работал в полиции Детройта.

Пауза. Что-то в его лице изменилось — не расслабилось, но сдвинулось.

— Полиция не помогла, — сказал он.

— Я знаю, — сказал я. — Я уже не полиция.

Ещё пауза. Потом звук снимаемой цепочки.

Внутри было чисто и почти пусто. Минимум мебели — диван, стол, два стула, телевизор которого не было. На стенах ничего. Коробки в углу — несколько, сложенные аккуратно, как будто человек до сих пор не решил распаковывать или нет. Три года прошло.

Харт поставил чайник не предложив ничего другого и сел напротив меня за стол. Сложил руки перед собой — почти как Карен Делано в редакции. Одна поза, разные люди. Поза человека который держится.

— Вы знаете Фрэнка Делано? — спросил я.

— Знал. Давно не виделись.

— Сейчас с ним происходит то же что было с вами. «Риверсайд» хочет купить ресторан. Фрэнк отказал. Теперь — проверки, банк, поставщики.

Харт смотрел на стол.

— Я слышал что-то, — сказал он. — Через общих знакомых.

— Расскажите про свою прачечную.

Он долго молчал. Встал, снял чайник, налил воду в две кружки с чайными пакетиками. Поставил одну передо мной. Сел.

— Прачечная была моего отца, — сказал он наконец. — Он открыл её в семьдесят восьмом. Я работал там с четырнадцати лет. После его смерти — взял на себя. Двадцать два года.

— Хороший бизнес?

— Не большой, но стабильный. Ривертон небольшой город — все друг друга знают, постоянные клиенты. Мы знали как зовут их собак. — Он слегка усмехнулся — невесело, скорее как рефлекс. — Пришёл человек от «Риверсайда». Вежливый, хорошо одетый. Предложил цену. Я отказал.

— Почему?

— Потому что это была прачечная отца. — Он произнёс это просто, без пафоса. — Потому что я не хотел продавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.